

Интерес к личности Георгия Петровича Щедровицкого и Московскому методологическому кружку в наши дни растет. ММК иногда называют сектой. На самом деле эти люди предлагали оригинальную и жесткую школу мышления. Рождение Методологии было обусловлено интеллектуальной атмосферой в СССР, превратившейся в вариант тоталитарного идиотизма, из которого было два выхода – либо эмиграция, либо сосредоточенность в независимой работе мысли. Г. П. Щедровицкий был уверен, что ни одна интеллектуальная традиция не может по мощности сравниться с Методологией. Сегодня ММК живет уже без ГП. Но и сам ММК в наши дни уже не тот, что в 1967 или в 1987 году. Поэтому вопрос о том, что такое Методология и каково ее место в современном мышлении, остается злободневным. Ключевые слова: Георгий Петрович Щедровицкий (ГП), Московский методологический кружок (ММК), история ММК, «прихожане» ММК, Методология, теория деятельности, семинары ГП, организационно-деятельностные игры, атмосфера внутри ММК. /

Today there is a growing interest toward the personality of Georgy Petrovich Schedrovitsky (GP) and the Moscow Methodological Group (MMG). The MMG is sometimes called a sect. In fact, these people offered an innovative and tough school of thinking. The Methodology emerged due to the intellectual ambiance in the USSR that turned into a variation of the totalitarian idiotism, which had only two ways out: either immigration or focusing on independent brainwork. G. P. Schedrovitsky was sure that no one intellectual tradition could surpass the Methodology in power. Today the MMG already exists without GP. But today's MMG is also different from that of 1967 or 1987. Thus, such questions as "What is Methodology?" and "What place does it occupy in the contemporary thinking?" remain urgent.

Keywords: Georgy Petrovich Schedrovitsky (GP); the Moscow Methodological Group (MMG); the history of MMG; 'parishioners' of MMG; Methodology; theory of activity; GP's seminars; organizational-activity games; MMG ambiance.

О времени, ГП и ММК / About Time, GP and MMG

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

Вместо предисловия / Instead of Introduction

Конец марта. 1985 год. В Москве на обочинах черный, талый снег. Сыро и холодно. В Киев, куда мы, аспиранты МАРХИ, приехали в командировку на организационно-деятельностную игру, пасмурно, но тепло. Зеленая травка на газонах ласкает глаз. Золотые купола Софийского собора на фоне серого неба. Подол. Андреевский спуск... Дом с чертовщиной... Милые малороссийские барочные церкви. Новостройка Киева – восстановленные Золотые ворота – XI век, однако. Еще смола сочится из бревен. Смешно.

Владимирский собор, фрески Васнецова, черно-белые ризы священников... Нет, мы приехали не гулять... Маринский дворец смотрим рано утром перед докладами... Как он хорош в шесть утра! Барочные дворцы не терпят дневной суеты. Они оживают ранним утром. Барокко – архитектура утренняя. А модерн – вечерняя. Вечером, после докладов, завтра, Саша Зинченко обещал показать Подол... А Авксентьев – киевский модерн.

Будут выступать Глазычев... Раппапорт... Генисаретский.

Георгий Петрович Щедровицкий (ГП) и бригада методологов из ММК будут вести игру на тему «Современная ситуация в методологии и теории проектирования». Бог его знает, что это будет. Но, говорят, эти методологи интересные ребята. Марк Меерович, конечно, будет в группе методологов. Он давно ходит на семинары к Щедровицкому. Ирина Великанова тоже. А я? К Никитину? К Буряку? Галина Исходжанова к Буряку, конечно. Он архитектор. И Никитин тоже архитектор. Я к Никитину. У него группа будет заниматься теорией проектирования.

26, 27, 28 марта – доклады Кантора, Глазычева, Генисаретского, Раппапорта, Сазонова, Розина... Слушаем. Конспектируем. Как это непохоже на все, что до этого приходилось читать и слышать. Как это непохоже на привычную идеологическую (идиотическую) жвачку! Как будто дышать стало легче.

Олег Генисаретский: «Ценности – органичные живые существа. Их присутствие переживается, рефлегируется, осуществляется в пространстве, описывается этикой... Если они живые, то и бранные. По отношению к ним

нужно осуществлять особую тактику. Экоморфное поведение».

Александр Раппапорт: «Проблема преодоления времени и судьбы как преодоления воли к власти. Получить описание – получить возможное конструирование».

Дмитрий Сладков: «Нет профессиональной определенности в нашей деятельности...»

Г. П. Щедровицкий: «А в чем доклад строился с профессиональной позиции?»

Александр Раппапорт: «Я входил из архитектуры, высвечивал фрагменты, исходя из своего профессионального опыта, и выходил из этой сферы. Затем входил обратно в архитектуру».

Реплика в зале: «Раппапорт от лица главного штаба развития цивилизации, а они о мелочах. Злятся, сердятся, что талантливые люди не принимают».

Реплика в зале: «Межеумочные темные сферы...»

Стараемся понять. И понимаем только одно: нужно учиться, учиться и учиться. И мы готовы учиться. Мы готовы вступить в славные ряды ММК. Но только примут ли? Говорят, многие приходят на семинары ГП, но немногие остаются. Говорят, тяжелая там работа...

29 марта. В конференц-зале Киевского филиала ВНИИ технической эстетики все места заняты. На трибуну буквально взлетает Георгий Петрович Щедровицкий. Начинает говорить, и зал замороженно смолкает. Проповедник! Савонарола, вероятно, был так же страстен и так же четок. А может быть, он похож на генерала Гудериана на военном совете... Нет, больше похож на Савонаролу... ГП – это ГП. Он единственный и неповторимый.

Щедровицкий говорит о том, что мы, проектировщики, архитекторы плохо понимаем, что есть проектирование. Что стоит задача научиться проектировать проектирование... И мы верим, что сможем понять, что такое проектировать проектирование.

Работа в группе Владимира Никитина... Проблематизация. Что есть проектирование? Существует ли теория проектирования? Что можно и что нельзя проектировать? Где границы проектирования?..

И черт меня дернул на одном из обсуждений начать спорить с самим ГП. Я стояла в зале – он на трибуне. Проектирование в XIX веке. Проектирование, как его

> Александр Петрович Буряк, Александр Владимирович Яровой, Моисей Соломонович Хромченко. Харьков, 1994

понимали лидеры авангарда. 40 минут выдержать дискуссию с ГП, – пожалуй, это был подвиг. Мои доводы разбились как волны о волнорез. Что ж... впредь наука.

А потом, в трамвае, когда мы ехали в гостиницу поздним вечером (было уже не до прогулок, добраться бы до постели), ГП подошел ко мне и сказал, что я хорошо держалась. Сказать, что я была счастлива, – ничего не сказать. А ведь он разбил все, что я пыталась утверждать, в пух и прах.

Потом были еще игры в разных городах, и доклады ГП... И каждый раз ощущение причастности к чему-то большому, которое только начинает формироваться. И казалось, вот-вот, еще немного усилий, и ты начнешь

понимать нечто, что перевернет не только представление об архитектуре, но перевернет всю твою и не только твою жизнь. И наконец исчезнет идиотизм, в котором приходится жить. И больше не нужно будет ставить цитаты из Брежнева в автореферате диссертации, которая к решениям партии не имеет никакого отношения. Что ж, жизнь перевернулась. И не нужно цитировать ни Ленина, ни Маркса, ни... Тот идиотизм кончился. Начался другой.

Я не была членом ММК. Не успела. Защитила диссертацию и уехала из Москвы. Но присутствие на играх, которые вел ГП, и общение с «прихожанами» ММК сыграли в моей судьбе огромную роль. Это была мощная школа мышления.

После киевской игры, недели через две, в Москве я пришла в ЦНИИТИА, нашла Александра Гербертовича Раппапорта и спросила его: «Можно вам задать один вопрос?» «Можно даже два», – ответил мне Раппорт, щурясь на весеннее солнце на крылечке ЦНИИТИА. С тех пор прошло более тридцати лет. Сейчас он живет на хуторе в двухстах километрах от Риги, пишет каждый день по статье в свой блог «Башня и лабиринт», я в Екатеринбурге.

Ушел из жизни Георгий Петрович Щедровицкий, нет Вячеслава Леонидовича Глазычева... Нет ни Александра Зинченко, ни Всеволода Авксентьева.

Владимир Африканович Никитин пишет стихи о пустоте и ведет семинары, на которых обсуждаются вселенские проблемы архитектуры. Говорят, его методологический талант способствовал смене власти в одной из среднеазиатских республик.

Марк Меерович, доктор исторических наук, – известный историк архитектуры... архитектор.

И еще. Люди, которые хотя бы немного коснулись методологии и чему-то научились у ГП, – похожи. Они составляют никак не оформленное «тайное общество» умеющих мыслить.

> Сверху вниз: Всеволод Леонидович Авксентьев, Владимир Африканович Никитин, Сергей Андреевич Семин – методологическая группа в Киевском филиале Всесоюзного НИИ теории архитектуры и градостроительства

^ Георгий Петрович Щедровицкий, Александр Петрович Буряк, Александр Владимирович Яровой, Валентин Константинович Горожанкин (второй ряд, крайний справа). Горький, 1981

^ Первый ряд: Галина Ильинична Александрова, Георгий Петрович Щедровицкий, Галина (?) Харитоновна; второй ряд: Владимир Африканович Никитин, Андрей Аркадьевич Третьяков, неизвестный, Вера Леонидовна Данилова. Дер. Новая Утка

текст

Александр Раппапорт /
text

Alexander Rappaport

Я представлял себя прогрессором в этом мире...
Г. П. Щедровицкий

Когда я пишу о Георгии Петровиче Щедровицком (ГП) и Московском методологическом кружке (ММК), мной движет прежде всего желание внести свою лепту в воспоминания о человеке, которому многим обязан, хотя далеко не все в его учении освоил и принял, а главное – по возможности «разобраться во времени и в себе».

Ныне все пишут и говорят о московском методологическом кружке и о ГП как бы с точки зрения еще более далекого будущего, пытаюсь превратить то, что было жизнью, в Историю, подчеркивая в том, что было, его исторический пафос. Он и на самом деле там присутствовал, хотя теперь порой кажется то ли манией величия, то ли маской сиротства. Но эта мания величия была дорогой и ценной, без этих исторических амбиций мы ощущали бы недостаток воздуха. Мы дышим амбициями и задыхаемся в повседневности. История нужна не будущему и не старости, которой должно быть что вспомнить, а молодым, у которых еще ничего, кроме будущего, нет. Не будь у нас мании исторической значимости, у нас бы не было ровно ничего.

Со стороны все это смахивает на комедию в гоголевском духе. Мне все время мерещится, что Хлестаков на самом деле не очень удался Гоголю и остался акварелью на фоне написанных маслом портретов жителей уездного города, именно потому, что Николай Васильевич не успел покрутиться в ММК. Будь он его «прихожанином» (термин Олега Генисаретского), устроил бы в городе организационно-деятельностную игру и наметил бы с властями программу организации работы городских служб, почты и богоугодных заведений, обсуждал бы с Земляникой и Сквозник-Дмухановским основные цели и направления развития города. Но дело было в XIX веке, и Хлестаков ограничился намеками на знакомство с Пушкиным, что произвело сильное впечатление не потому, что они знали, кто это такой, а именно потому, что не знали, и предположили самое для себя опасное.

Нечто подобное давала Методология. Что сие такое, никто толком не знает и по сей день, но все дрожат и вытягиваются по стойке смирно от одного только ее имени.

Впрочем, позднее, в «Мертвых душах», Гоголь, как бы святым духом, упоминает и героя, имевшего отношение к идее управления и организации в лице полковника Кошкарева, реализовавшего у себя в отдельно взятом имении утопическую систему кооперации административных служб. Попал в текст поэмы и идеолог проектирования и планирования помещик Манилов, и критик-диссидент Собакевич, и вообще все возможные позиции и роли, которые Гоголь «сорганизовал» в своей мыследеятельности, наделив их всем, кроме рефлексии, и предвосхитив «Зияющие высоты» одного из основателей ММК, впоследствии от него отрекшегося, – Александра Зиновьева. (Среди основателей ММК кроме Зиновьева были еще Мамардашвили и Грушин. Но, вероятно, Щедровицкий оказался последовательнее и активнее всех прочих «отцов» ММК.)

В дальнейшем протометодология в русской литературе почти приблизилась к ГП. Это, прежде всего, «великий комбинатор» Остап Бендер, развернувший перед шахматистами Васюков заманчивые перспективы перестройки поселка в глобальном масштабе.

Интерес к ММК со стороны людей, никогда не слышавших о «Методологии» в наши дни растет. Среди них есть ученые, менеджеры и просто юноши и девушки, до которых доносятся слухи о каком-то великом и ужасном ГП. Как им хоть отчасти приоткрыть завесу над этим явлением?

ММК жил довольно замкнутой жизнью, от чего порой его называли сектой, тайным обществом посвященных, говоривших на птичьем языке. Отчасти эта изоляция была запрограммирована самим ГП, отчасти образовалась вне зависимости от его намерений. Двери ММК всегда были открыты для всех, но войти в них было недостаточно. Нужно было еще понять, куда попал. В режиме реального времени такое понимание могло осуществляться только путем присоединения к работе, включения в нее, а это требовало огромных сил и – не в последнюю очередь – времени. Точнее, это требовало Всех сил и Всего времени. Можно ли было надеяться на успех коммуникации при столь высоких требованиях?

Мы жили тогда в СССР, в Москве, на Соколе, на Петрозаводской улице, по будням и праздникам, зимой и летом. Это время, навсегда улетевшее в вечность, видится мне, то

как сумерки со снежком, то как летняя сухость, то как ливень в Новой Утке, то как перестукивание колес в поезде.

«Поезд шел на Урал... в раскрытые рты нам – говорящий...» ГП, а не Чапаев вливал очередные порции методологии. Не потому ли семинары, проходившие именно в вагонах мчащегося по России поезда, казались самыми продуктивными. Движение мысли совпадало с движением тел, с бегом вагона и с картинами просторов, которые уносились за окнами прочь и набегали с естественностью то ли исторического процесса, то ли технической способности локомотива.

Квартира ГП на Петрозаводской была для меня местом, где было можно дышать чистым после-грозовым воздухом.

Когда я читаю многочисленные восхваления ГП советской философской мысли, что она де не хуже, а может быть, и лучше западной и мировой, мне становится зябко. Уж очень все это напоминает «родину слонов». Разумеется, и без него все знали, что в СССР чудом уцелело несколько выдающихся мыслителей, но, скорее всего, в качестве передовой советской философии он видел себя и свой кружок. И в этом он, возможно, был прав.

Нужно сказать, что ГП не хуже Бендера разбирался в соотношении писанных и неписанных законов советской жизни, и потому с ним можно было обсуждать любую жизненную коллизию, чего нельзя было ждать не только от официальных лиц любого рода, но порой даже от родных и близких.

В России идиотизм был своего рода эквивалентом западных неврозов. Неврозы на Западе становятся предметом забот психологика. Но идиотизм российской жизни никто не лечил и даже не пытался. Выход из системы идиотизма был – либо внешняя, либо внутренняя эмиграция. А это означало изоляционизм и привычку нести чернуху во всех официальных ситуациях. Труднее всего встреча со всеобщим идиотизмом давалась молодежи, которая не могла понять, что идиотизм – это тотальность и неизбежность.

В комнате ГП на Петрозаводской улице не было и тени идиотизма. Здесь здравый смысл принимался всерьез. Этот феномен сегодня мне кажется не менее важным, чем те или иные теоретико-методологические конструкции. Отчасти, конечно, эта чистота атмосферы достигалась самими методологическими играми.

Методология ГП претендовала на высшие позиции социальной жизни. Это вытекает хотя бы из того, что Щедровицкий был уверен: ни одна интеллектуальная традиция не может по мощности сравниться с методологией. Отсюда следует, что в обществе, управляемом с помощью разума, методология естественно должна занять самый верх социальной иерархии и, следовательно, держать в своих руках власть.

Но, с другой стороны, у методологии нет собственных инициатив. Она заботится либо о посредничающих функциях в игре иных инициатив, либо печется о собственном совершенстве, каковое вообще-то не слишком интересует реальными социальными процессами. Иными словами, власть могла бы понадобиться методологии только для собственного совершенствования, но таковое вполне возможно и без учета власти.

Время от времени я задаю себе вопрос: могла бы когда-нибудь методология превратиться из глотка озона в озоновую дыру, угрожающую жизни. Такую возможность нельзя совершенно исключить. Но не следует полагать, что именно такова тенденция развития методологии. Мне кажется гораздо более адекватным участие методологии в организации коммуникативной культуры и дискуссионной среды, действительно демократической свободы обмена идеями и взаимодействия культур, конфессий,

групп и утопий. Среди множеств утопий, которые могли бы прийти на смену выдыхающимся партийным идеологиям, я вижу и утопию самой Методологии как своего рода сообщества даосских монахов.

Мне хотелось бы, чтобы методология превратилась в некий касталийский монастырь с культом интеллектуальных единоборств. Чтобы в методологических играх были чемпионы и победители, но чтобы жизнь этого ордена не была связана институционально с бюрократией и государством. В свое время, когда все мы зачитывались «Игрой в бисер» Германа Гессе, ГП сказал мне: «Вот и у нас своя Касталия».

Мне кажется, что рождение Методологии было обусловлено, с одной стороны, культом науки, а с другой – утопической атмосферой СССР, с презумпцией романтической перспективы бесконечных возможностей, превратившейся в очевидный тупик тотального идиотизма. Мое поколение прихожан ММК, скорее всего, бежало в кружок как в бомбоубежище от «газовой атаки» советской идеологии, этим (!) «газом» невозможно было уже дышать.

Итак...

Я усвоил и сумел, как мне кажется, понять следующие методологические принципы:

1. Принцип деятельности как исходный для постановки проблем и ориентации в ситуации.
2. Позиционный принцип как схему конструктивного представления ситуации в деятельности, как логическое основание понимания и проблематизации.
3. Дуализм искусственного и естественного в способах представления ситуации и деятельности.
4. Историко-генетический схематизм всякого понимания и реконструкции содержания.

Я так и не сумел до конца понять и использовать:

1. Системный подход и его онтологию в понимании и деятельности.
2. Принцип имманентности, то есть исключение трансцендентных схем в мышлении.
3. Идею конструктивно-организационного подхода к решению проблем в мышлении и деятельности.
4. Редукцию человека к месту в машине деятельности и управления через конструктивное развитие и организацию средств деятельности.

Нынешний идиотизм массовой культуры, бесконечных детективов, веселящего газа юморин и патологических ток-шоу, – нечто новое. Это продукт топорной «деидеологизации» или ре-идеологизации. Строителя коммунизма перековывают в массового верующего потребителя.

Советский идиотизм был иным. Он проявлялся в учрежденческой среде, в научной или околонучной деятельности советских учреждений, в «головах» которых царила несусветная каша из идеологии, норм и инструкций, явных и неявных указаний и рекомендаций, предрассудков, невежества, случайных сведений и всяческого шарлатанства. Думаю, что многие из тех, кто уезжал тогда на Запад, бежали не столько от КГБ, бедности или карьерной бесперспективности, сколько от этой душающей атмосферы тотального идиотизма.

Когда читаешь воспоминания участников ММК, характер их оценки ММК на фоне интеллектуальной, политической или духовной жизни в СССР, на первый план выносятся не специфика кружка, а характер лидера, ГП, – его ораторское мастерство, стиль рассуждений и пр. Сам кружок, конечно, упоминается, но лишь как форма реализации программ, предложенных ГП, и расширения области применения стиля его мышления.

Это вполне понятно, так как в поле зрения участников ММК прежде всего всегда был сам ГП и небольшое количество лидеров методологического движения.

v Стоят: Марк Григорьевич Меерович, Юрий Вячеславович Громыко, Петр Георгиевич Щедровицкий, Сергей Валентинович Наумов – члены Московского методологического кружка

v Олег Борисович Алексеев и Петр Георгиевич Щедровицкий

Пожалуй, лучше всего сказал о себе сам ГП:
«К лету 1952 года у меня сформировалась идеология, очень близкая к той, которую потом через два десятилетия сформулировали братья Стругацкие, а именно: я представлял себя прогрессором в этом мире. Я считал (в тогдашних терминах), что Октябрьская революция начала огромную серию социальных экспериментов по переустройству мира, экспериментов, которые влекут за собой страдания для миллионов людей, может быть, их гибель, вообще перестройку всех социальных структур... я был сыном своего класса, класса партийных работников... мыслил я точно так же, как Гудериан...»

Смерть ГП до сих пор кажется невысказанной. Идея смерти несовместима с идеей Начала, а весь ГП для меня есть одно бесконечное начало, отчего он сам видится и как Начинатель, и как Начальник. Начало – это принцип, и весь ГП есть сплошной Принцип, основание, исходный момент, а не финал, не результат, не итог.

Он ставит задачу, которую сам разрешить не может, и в этом его подвиг. Если бы он ее решил, мы бы не имели ГП как прометеевского героя. Нам важен не результат, а импульс, толчок и образец.

Для меня ГП всегда остается живым. Содержание его лекций и докладов мне представляется куда менее живым, чем его голос и самый способ их изложения.

Казалось бы, что тут должно быть некое согласие – во всем на первом месте не знание, а деятельность. Но та деятельность, которой он жил, действительно, живая. А та деятельность, о которой он учил... мне кажется, куда менее живой.

Но для того, чтобы оценить, насколько она жива, вероятно, как и всегда в методологии, следует учесть позиции, и то, что я отошел от ММК, и может быть причиной того, что мне кажется это содержание менее живым.

Тогда почему же мне кажется столь живым его голос?

Фокусируя внимание на ГП, кружок вообще тает, как еж в тумане. Более того, кружок превращается в риторическую фигуру речи самого ГП. ГП прячется за выдуманную им кружком в не совсем понятной игре, непонятной с точки зрения того, играет ли игра с членами кружка или с кем-то посторонним, кого не видно ни внутри, ни вне кружка.

Как когда-то Маяковский говорил о Ленине:

Мы говорим Ленин, подразумеваем, – Партия.

Мы говорим Партия, подразумеваем – Ленин.

Вот и здесь, мы говорим ММК – подразумеваем ГП, мы говорим ГП, подразумеваем?..

В том-то и дело, что, говоря ГП, мы, кажется, не подразумеваем ММК.

Сегодня ситуация такова, что без ГП нет ММК. Это не значит, что его нет вообще. Как говорил –Эйнштейн, «Бога нет, но что-то есть». Для М. Хромченко ГП – это Бог, и он исчезнуть не может. Для других он что-то иное... Так что вопрос о том, что такое ММК, в наши дни совсем не тот, что в 1967-м или 1987 году. Но именно поэтому вопрос о том, что такое ГП, и оказывается столь злободневным.

Вспоминаю одну случайную деталь. В семье ГП считалось, что физиономически он похож на флорентинского кондотьера Гаттамелату, гипсовая копия конной статуи которого работы Донателло стоит в Пушкинском музее. Гаттамелата (медоточивая (то есть льстивая) кошка) – типичный представитель личности из итальянских городов-республик, личность сильная и беспринципная.

Жесткое мужественное лицо Гаттамелаты соответствует героическому характеру личности. Сам ГП не только обладал – особенно в поздние годы – таким волевым, целеустремленным физиономическим образом, но и сознательно принимал героический тип существования. Однажды он сказал мне, что не понимает людей, не признающих сознательно тип героического существования.

Это лицо героя и спортсмена, человека способного подчинить важной жизненной цели не только себя самого, но и других людей. Этот физиономический тип практически не угадывается в ранних снимках ГП, где на нас глядит крайне обаятельный и милый юноша. С годами лицо ГП как бы заостряет свои волевые черты, становится все более жестким. Если вспомнить слова ГП о якобы «севшем на него мышлении», то можно было бы сравнить его и с другим героем эпохи гуманизма, страстным противнике гуманистов Джироламо Савонароле. Савонарола, как и многие представители русской философии всеединства XX века, был поклонником Средних веков, хотя в своей благочестивости оказался и предшественником протестантизма. Но его характерные черты – непримиримость в обличении чужих пороков, в подвижническом образе жизни и социальной независимости, он мог бы быть в большей мере прототипом ГП, чем кондотьер Гаттамелата.

Протестантизм, родившийся в центральной Европе, в Германии, Швейцарии, в Россию в прямом смысле слова так и не пошел. В России сначала случилось нечто парадоксальное: раскольники оказались протестантскими-консерваторами, а действительное перечитывание источников начал Лев Толстой. Но толстовство было далеко от гностицизма. Подпольный советский гностицизм был выдвинут за рубеж – теософы, четверопутники. Гностически окрашенный протестантизм начался уже не в русле православия, а в русле марксизма – новой россий-

ской религии XX века. И начал его Ленин, позволивший себе перетолковать Маркса, за сим последовала непримиримая вражда фракций, в которой победил Сталин. Борьба эта шла уже не столько за нравственную истину, сколько за реальную власть. И лишь в последние дни жизни Сталина на сцену выступил Зиновьев, начавший перечитывать «Капитал», и новый протестантизм принял довольно отчетливый гностический и магический облик в русле рациональной системной методологии, которая «может все».

В какой-то косвенной связи с этим и германофилия ГП: он был поклонником немецкого философского рационализма. Его любимцы – Фихте, неокантианцы, наконец – Маркс (при всех теоретических оговорках). Но дело не только в сочувствии рационализму немецкой классической мысли. ГП в быту во всем был скорее немцем, чем русским или евреем. Всегда подтянутый, аккуратный, исполнительный, с некоторым педантизмом ведущий учет всех своих многочисленных дел. Никогда не опаздывающий, никогда ничего не забывающий, обязательный и строгий к себе и другим. Далекий от всякого буршества, вопреки частому упоминанию московских пивных, которые, по его словам, и были местом зарождения методологии.

Но дело не ограничивалось личной аккуратностью и педантизмом. В числе его любимых авторов был, насколько я помню, немецкий генерал Гальдер, военные мемуары которого были изданы в 70-е годы. Он часто носил томик Гальдера с собой и с восхищением читал нам какие-то фрагменты как образцы рациональной строгости.

То, что решительно ставило ГП в круг западной философской культуры, был его рефлектирующий рационализм. ГП редко ссылался на себя и свои вкусы и, как правило, делал это подчеркнуто за рамками собственно методологических рассуждений, в то время как большинство русских интеллигентов свойственно в повседневном обиходе относиться к культуре как к собственному наследству и ссылаться на свой вкус как на весьма достоверный инструмент познания и оценки.

Будущему историку науки, конечно, придется как-то объяснить и зигзаги в научной биографии самого ГП. Как могло случиться, что он – студент престижного физфака и (по его собственным словам) подававший надежды – в пору азартной работы ядерщиков над бомбами – уходит на философский факультет. Он оправдывает это тем, что там «ребята были хорошие». Но что мешало бы ему дружить с этими же ребятами, учась на физика и, быть может, войдя впоследствии в круг А. Д. Сахарова и его коллег, тоже, наверное, неплохих ребят. Или, на худой конец, уйдя на филологический факультет, где он мог бы получить неплохое классическое образование, овладеть древними и новыми языками, как это сделал в другое время С. С. Аверинцев. Чему научился ГП на философском факультете – если единственный или один из немногих образованных профессоров этого факультета В. Ф. Асмус стал не его наставником, а его «противником», в полемике ГП против «формальной логики». Думать, что ГП боялся тяжелой работы, с которой сталкивались студенты физфака или классической филологии, нет ни малейших оснований, ибо он был трудоголиком. Так что этот вопрос придется оставить будущему.

Дебют ГП состоялся 26 февраля 1954 года. ГП, которому только что исполнилось 25 лет, прочел на философском факультете МГУ доклад «Современная наука и задачи развития логики» (опубликован в сб.: Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 25–51).

Он начал с того, что поставил знак равенства между высказанными в ходе дискуссии точками зрения В. Ф. Асмуса и В. И. Черкесова. Поставить знак равенства между двумя этими советскими философами значило в то

время примерно то же, что, скажем, сказать, что Сталин и Троцкий говорят, в сущности, одно и то же. Все знали, что Черкесов, представитель советской идеологии, – конъюнктурщик, а Асмус – один их самых просвещенных и культурных философов, сохраненных в советском философском питомнике.

Но юный ГП уравнивал их не потому, что еще не успел усвоить этого, а потому, что таким отождествлением он взрывал всю систему ценностей тогдашней как официальной, так и неофициальной философской мысли.

Требование, обращенное ГП к советским логикам, – участвовать в развитии отечественной науки (и тем самым ВПК) – было не просто дерзким риторическим приемом, популярным в партийной печати. Оно, как ни странно, нарушало и негласный подход самой партийной власти. Власть догадывалась о подлинной ценности своей идеологической науки и потому, насаждая идеологию везде и всюду, делала исключение для работ, связанных с изготовлением оружия. Сюда философов, мягко говоря, просили не совать нос. Атомная бомба была важнее идеологической ориентации ее разработчиков. ГП же не просто игнорирует это неписаное правило, но требует его немедленной и громкой отмены. Таким образом, он поступает согласно формально одобренным, но негласно отмененным принципам реальной жизни. Есть два литературных героя, которые поступали именно так. Это Павка Корчагин и бравый солдат Швейк. Есть еще, правда, Дон Кихот, но ГП позднее всячески отрецивировался от этого произведения и его героя, заявляя, что Дон Кихот его ничему не научил и что житейскую мудрость он берет из романа Булгакова «Мастер и Маргарита». ГП рассказывал: «Когда меня спрашивали, зачем мы изучаем древнегреческую философию, я отвечал с совершенно голубыми глазами и искренним сердцем: «Для того чтобы реализовать постановление партии и правительства об оживлении и укреплении идеологической работы и усилении коммунистического воспитания». В моем представлении так оно и должно было быть. И точно так же я подходил и ко всем другим...» Вот еще одно его высказывание: «... Но вот если было постановление, где осуждалось творчество Зощенко и Ахматовой, и при этом произносились слова, что мы должны быть идейными, должны быть жизненно активными, должны строить свою жизнь, должны четко выполнять свои обязанности, работать на строительство социализма, то я опускал эту часть про Зощенко и Ахматову, поскольку знал, что они ни в чем не виноваты, не могут быть виноваты в принципе, и прекрасно понимал, почему их поносят, а брал ту часть, где говорилось, что жить надо активно, что надо выполнять свои обязанности, нести ответственность за свои действия и вообще чувствовать себя хозяином жизни. И начинал все это претворять в саму жизнь, т. е. так себя вести, так действовать, как будто это я – суверенный хозяин, будто от меня зависит воплощение всего того, что написано на знаменах, будто тем, кем я и мои товарищи будем все это выполнять, вот этим и будет все определяться в будущем.

– А как насчет «винтика»?

Вот я и был таким активным, самодвижущимся «винтиком». Я таким вот образом "крутился"».

ГП несколько десятков лет назад уже был своего рода легендой и мифом. Когда он пригласил меня в 1968 году на свой день рождения в Москве, я попал за стол, где сидели известные мне знаменитые в философском мире люди. ГП держался по-дружески, непринужденно. Но чувствовалось, что он, ГП, есть нечто особое. Несмотря на всю его обиходную простоту и обаяние, сам ГП наверняка осознавал легендарность и своего дела, и своей фигуры и, как мне теперь представляется, отчасти участвовал в создании собственного мифа.